

Запах Стамбула

Рита Марти

Рита Марти

Запах Стамбула

«Автор»

2026

Марти Р.

Запах Стамбула / Р. Марти — «Автор», 2026

Она вернулась. Но не сказала никому. Мехмет ждёт её в Кадыкее, Умут всё ещё надеется. И теперь у Лики есть две недели, чтобы понять: кто из них — её судьба? «Запах Стамбула» — продолжение истории, где пять дней превращаются в две недели, а выбор становится неизбежным. Лика прилетает отмечать тридцатилетие в городе, который стал её домом. Но между ней и счастьем — прошлое, которое не отпускает, и двое мужчин, каждый из которых готов бороться за её сердце. Сможет ли она услышать голос города и сделать правильный шаг?

© Марти Р., 2026

© Автор, 2026

Рита Марти

Запах Стамбула

Запах Стамбула

Глава первая. Стамбул. Запах любви

Я влюблена в Стамбул. Обычно так говорят про мужчин. Но почему Стамбул не может быть мужчиной?

Он высокий, когда смотришь на минареты с набережной Галаты. Он капризный, когда с утра хмурится, пряча солнце за серые тучи. Он щедрый, когда на закате разливает по Босфору жидкое золото. И он умеет молчать так, что ты слышишь собственное сердце — вот так, как умеют только те, кто прошёл через века и не утратил способности слушать.

Я никогда не устану гулять по одним и тем же улицам. Смешиваться в толпе туристов в историческом центре, бродить и блуждать по новым неизведанным улочкам, которые открываются только тем, кто не боится потеряться. Этот город настолько многогранный, что иногда он похож на Лондон, когда дождь стучит по старым крышам; иногда — на Рим, когда солнце золотит античные камни; иногда — на Москву и Питер, когда в каждом закоулке чувствуешь историю, которая тяжелее, чем кажется.

Можно найти в нём любой город, если хочешь. Но когда перестаёшь искать — находишь только Стамбул. И этого достаточно.

Да, там не всегда попадаются приветливые люди. Продавцы на рынках хотят побольше денег, музеи каждые полгода дорожают, а кофе в туристическом районе стоит как обед в ресторане. Но я вам скажу — там есть много бесплатных локаций, от которых вы будете в восторге. Там есть рассветы над Айя-Софией, за которые не берут плату. Есть запах свежего симита на углу, за который не нужно платить лишнего. Есть Босфор, который дышит ровно и одинаково — и для туриста, и для местного, и для влюблённой дуры, которая вернулась сюда с чемоданом надежд.

Есть люди, которые жаждут искренности и любви — как все обычные люди на земле.

Их двое. Тех, кто ждёт меня. Мехмет — добрый, тёплый, как свежесдобитый хлеб. И Умут — угрюмый, сломленный, но почему-то именно его имя переводится как «Надежда».

Они не знают, что я возвращаюсь. Я никому не сказала. Даже себе не признавалась до конца, пока не купила билет. Пять месяцев, три недели и два дня я жила в Москве, пыталась быть «нормальной» — ходила на свидания, улыбалась коллегам, переписывалась с Мехметом и игнорировала номер Умута, который лежал в моём телефоне как непрочитанное сообщение. Я могла написать ему в любой момент. Могла ответить. Но каждый раз, когда открывала чат с его визиткой, пальцы замирали. Что я скажу ему? «Привет, это та девушка, на которую ты наорал. Я простила. Но я не знаю, зачем ты мне»?

Я встречалась с молодым человеком в Москве. Хорошим, внимательным, правильным. Он приносил цветы, открывал двери, слушал. Он делал всё, что положено. Но каждый раз, когда он касался моей руки, я чувствовала... ничего. Пустоту. Безразличие, от которого хотелось плакать. А когда он говорил: «Я люблю тебя», я мысленно подсчитывала, сколько дней осталось до отпуска. До Стамбула.

Потому что Стамбул — единственный, кто не отпускал меня ни на минуту.

Он звонил мне по ночам — голосом Босфора, который я слышала сквозь закрытые окна московской квартиры. Он приходил во сне — запахом жасмина и мокрой брусчатки. Он пах так отчётливо, что я просыпалась с ощущением, будто всё ещё там, на набережной Эминёню, смотрю на проплывающие баржи и считаю огоньки.

В Москве было много всего. Но не было запаха. Того самого — сложного, терпкого, который не выветривается из лёгких.

Запах Стамбула.

Я не сказала Мехмету, что лечу. Он каждый день писал мне — присылал фото нового кафе, которое открыл на азиатской стороне, рассказывал о посетителях, о погоде, о том, что оранжевый шлем всё ещё лежит на полке за стойкой. «Жду, когда ты наденешь его снова», — писал он. Я смайлила в ответ. И чувствовала, как внутри что-то щиплет — одновременно сладко и виновато.

Я не сказала Умуту. У меня был его номер — визитка с телефоном всё ещё лежала в кошельке, рядом с засушенным лепестком. Но я так и не набрала. Почему? Боялась. Боялась, что услышу его голос и всё пойму. Что он перестанет быть «тем парнем из метро» и станет кем-то настоящим. Тем, кого нужно либо принять, либо отпустить навсегда. И пока я молчала, он оставался призраком — безопасным, далёким, не требующим решений.

Теперь я лечу к обоим. Без предупреждения. Без плана. Без ответов.

Только с чемоданом, где на самом дне лежат два предмета: засушенный лепесток в прозрачном конверте и книга стихов Орхана Вели с надписью на форзаце: «Я пришёл в этот мир только для того, чтобы увидеть тебя».

Самолёт набирает высоту. Москва остаётся где-то внизу — серая, мокрая, ненужная. А я смотрю в иллюминатор и улыбаюсь. Через три часа я увижу Босфор. Через три часа меня встретит запах — тот самый, который я искала все эти месяцы, но так и не нашла ни в одном другом городе.

Голос Стамбула — он же не молчит даже в небе — шепчет где-то на границе сна и яви:

— Ты вернулась. Я знал. Я всегда знал, что ты не сможешь жить без меня. Но готовься, девочка. В этот раз всё будет сложнее. Потому что ты приехала не за красивыми картинками. Ты приехала за правдой. И я тебе её дам — всю, без прикрас, без сладкой лжи. Сначала тебе станет больно. А потом — будет по-настоящему.

Я не боюсь. Я влюблена в Стамбул.

А любовь — это всегда риск. Всегда выбор. Всегда шаг в пустоту, где может быть либо счастье, либо падение. Но я уже падала. И знаю, как падать. Теперь хочу научиться взлетать.

Вместе с ним.

Стамбул ждал меня. Не в аэропорту, не в отеле — он ждал меня в воздухе, в том самом солёном ветре, который ударил в лицо, как только я вышла из здания прилёта. Я глубоко вдохнула — и чуть не задохнулась от счастья.

Запах.

Он был повсюду: в мокром асфальте после утреннего дождя, в горячих каштанах, которые продавали у выхода, в жасмине, который рос за забором, в кофе, который кто-то пил на соседней скамейке.

Запах Стамбула.

Я нашла его. Или он нашёл меня.

— Такси, мадам? — раздался голос.

Я посмотрела на водителя, на его уставшее лицо, на грязный жилет, и вдруг поняла: в этом городе всё может быть некрасиво, неидеально, неудобно. Но он всё равно остаётся самым прекрасным местом на земле. Потому что здесь я чувствую себя живой.

— Нет, спасибо, — ответила я. — Я хочу пройтись.

И пошла. Пешком. Вдоль моря, вдоль машин, вдоль своей собственной судьбы, которая, кажется, наконец перестала прятаться за поворотом.

Я не знала, с кого начну — с Мехмета или с Умута. Я не знала, что скажу им. Я не знала, останутся ли они в моей жизни после этого дня или растворятся в воздухе, как дым от симита.

Но я знала одно: я здесь. Я сделала шаг. И теперь Стамбул должен был решить, что делать дальше.

А он — как всегда — молчал. Или просто ждал, когда я перестану бояться и начну слушать.

Голос Стамбула зазвучал, когда я уже почти дошла до Султанахмета:

— Запах не обманывает. Он говорит правду. Ты чувствуешь его — значит, ты на месте. Теперь осталось сделать главное — поверить.

Я остановилась у входа в метро. Того самого. Где два человека перевернули мою жизнь за пять дней.

И сделала глубокий вдох.

Запах Стамбула пах солью, кофе и моей собственной надеждой.

Глава 2. Нишанташи. Первая встреча

Тридцать лет.

В этом возрасте одни уже точно знают, чего хотят. Другие — как раз перестают притворяться, что знают. Я, кажется, отношусь ко вторым. Но есть одна вещь, в которой я никогда не сомневалась — я хочу встретить свой юбилей в Стамбуле. Не в ресторане с видом на Москву-реку, не в загородном отеле с бассейном. Здесь. Среди этих камней, этих запахов, этого бесконечного шума, который убаюкивает лучше любой колыбельной.

Две недели. Целых две недели, которые я подарила себе. Никаких "завтра на работу", никаких "нужно успеть". Только я и город. И, возможно, ответы на вопросы, которые я так боялась задавать.

Отель я выбрала тот же, что и в прошлый раз, в Султанахмете. Знакомый район, знакомый скрип лифта, знакомый администратор. Азамат — узбек с идеальным русским — узнал меня сразу, расплылся в улыбке и даже не спросил документы:

— Лика! С возвращением! Опять на пять дней?

— На четырнадцать, Азамат. Я отмечаю день рождения.

— О! — Он поднял брови и театрально развёл руками. — Тогда я вам организую лучший номер. С видом на море. Бесплатно. Считайте это подарком.

Я засмеялась. Приятно, когда тебя помнят. Приятно, когда ждут. Но я знала, что есть двое, которые ждут больше остальных. И им я пока не скажу ни слова. Сначала мне нужно побыть одной. Понять, что я чувствую на самом деле — без их голосов, без их глаз, без их надежд, которые смотрят на меня с каждой фотографией в телефоне.

Я избегала района, где находилось кафе родителей Мехмета. Сознательно. В первый день я хотела гулять сама — без скутера, без экскурсий, без добрых глаз, от которых становится слишком тепло и слишком страшно одновременно.

Айя-София стала моим первым маршрутом.

Честно говоря, в прошлый раз я была в ней мельком, между делом, зажатая туристическими группами. Сегодня я пришла одна, в будний день, когда толпа поредела и осталась только тишина. И я поняла — я ничего о ней не знала.

Огромный купол, парящий в воздухе, как будто его держит невидимая рука. Мраморные колонны, привезённые из древних храмов — из Египта, из Греции, из Рима. Каждый камень здесь был чьим-то домом, чьей-то молитвой, чьей-то жизнью. И всё это собралось в одном месте, чтобы стать чем-то большим. Христианский собор, потом мечеть, потом музей — она прожила столько жизней, сколько не снилось ни одному человеку.

Я стояла под куполом, запрокинув голову, и чувствовала, как в груди разрастается что-то тёплое. Странное чувство — быть частью истории, которая тебя не знает, но принимает. Как будто я пришла домой, в дом, который никогда не видела.

Голос Стамбула шепнул где-то в вышине, среди мозаик с архангелами и огромных круглых медальонов с арабской вязью:

— Ты ищешь знаки. Ты всегда их искала. Но здесь знаки не нужны — просто верь.

Я не поверила. Но запомнила.

Потом был Топкапы. Я никогда не смотрела "Великолепный век" — как-то не сложилось. Но теперь, стоя на мраморных плитах гарема, глядя на изразцовые стены и фонтаны, я поняла, что обязательно посмотрю. Как только вернусь в Москву. Или даже здесь, по вечерам в отеле. Потому что этот дворец пах тайнами. Столько женщин прошло по этим коридорам — с надеждой, с болью, с любовью. И каждая из них была по-своему права. Хюррем, о которой мы говорили с Мехметом, была не злодейкой — она была женщиной, которая выжила. Я поняла это, когда стояла у окна, откуда султанши смотрели на Босфор. Они тоже ждали. Не султана — своей судьбы.

К вечеру я устала. Не от прогулок — от мыслей. И решила сделать то, что не планировала, но что тянуло как магнит: поехать в Нишанташи.

Район, где находился офис Умута.

Я не знала, зачем еду. Может быть, чтобы просто увидеть здание. Может быть, чтобы почувствовать, что он здесь, где-то рядом, но я всё ещё могу уйти незамеченной. Я не была готова встретиться с ним. Но тело двигалось само — как будто знало то, что голова отрицала.

Нишанташи встретил меня вечерней прохладой и запахом, который невозможно спутать ни с чем. Вязкий, сладковатый аромат дорогого парфюма, смешанный с запахом свежесваренного кофе из уличных кафе, горячего круассана из пекарни на углу и мокрого асфальта, который поливают из шлангов продавцы бутиков. Здесь пахло успехом. Деньгами. Красивой жизнью, которую кто-то проживает вместо тебя.

Я шла медленно, рассматривая витрины, в которых мерцали шелка и бриллианты. И вдруг — в толпе мелькнуло лицо. Знакомое. То самое, с экрана, которое я видела сто раз в сериалах.

Берен Саат.

Я остановилась. Сердце пропустило удар. Она была здесь — без охраны, в лёгком платье, с сумкой через плечо, просто шла по улице, как обычный человек. Я не удержалась, подошла — на ломаном турецком, запинаясь и краснея, как школьница.

— Мерхаба... я вас обожаю. Вы... вы лучшая.

Она улыбнулась — той тёплой улыбкой, которую я видела только на экране. Ответила что-то по-турецки, поблагодарила, пожелала хорошего вечера. Мы даже сделали селфи — она сама предложила. Я была на седьмом небе. Шла, не глядя по сторонам, уткнувшись в телефон, рассматривая фото, и...

— Простите! — кто-то вылетел из-за угла, и я врезалась в него.

Чемоданчик выпал из моих рук, телефон — вслед за ним. Я подняла голову, чтобы извиниться, и замерла.

Чёрные волосы, тёмные очки, высокий рост. Знакомый, родной до дрожи силуэт.

Умут.

Он уже открыл рот, чтобы, как в прошлый раз, выдать гневную тираду, — я видела это по напряжённым скулам. Но вдруг — пауза. Он узнал меня раньше, чем я успела прийти в себя. Опустил очки на нос, прищурился и...

— Опять! — выдохнул он. — Опять ты!

И засмеялся.

Я не ожидала смеха. Не от него. Не от того человека, который тогда, у метро, выглядел как воплощение гнева. Но он смеялся — искренне, по-мальчишески, запрокинув голову, и в этом смехе я впервые увидела его настоящим. Не тем архитектором в чёрном костюме, а кем-то живым.

— Вот так встреча! — сказал он, качая головой. — Ты специально находишь меня, чтобы врезаться?

— Я не находила! — оправдывалась я, поднимая телефон и чемодан. — Я просто... увидела Берен Саат и...

— И потеряла бдительность. — Он ухмыльнулся. — Администратор отеля сказал, что она часто гуляет здесь. Ты, наверное, знала.

— Не знала! — Я смутилась, чувствуя, как кровь приливает к щекам. — Почему ты всегда в этих очках, Умут? — выпалила я вдруг, не сдерживаясь. — Серьёзно. От кого ты прячешь свой взгляд?

Он помолчал. Снял очки. И я впервые увидела его глаза вблизи — карие, почти чёрные, с длинными ресницами, уставшие, но не злые. В них было что-то, от чего у меня перехватило дыхание.

— Я прячу его от людей, — сказал он медленно. — Потому что когда я смотрю на кого-то без них, я вижу всё. Слишком много. А люди не любят, когда их видят насквозь. — Он надел очки обратно. — Но тебя я готов попробовать разглядеть. Давно прилетела? Почему не отвечала?

Я опустила глаза. Вопрос был прямым. Без обмана.

— Это было спонтанное решение, — сказала я тихо. — Я прилетела вчера. И не отвечала, потому что... хотела проверить свою судьбу.

Он поднял бровь:

— Судьбу?

Я улыбнулась, чувствуя, как внутри всё переворачивается:

— Да. Судьбу. Хотела увидеть, будет ли у нас ещё одна встреча — без предупреждения, без плана. И вот. — Я развела руками. — Судьба сказала "да".

Он посмотрел на меня с интересом — тем самым, который невозможно подделать.

— И что говорит тебе твоя судьба?

Я молчала несколько секунд. Ветер подул с Босфора, принёс запах кофе и вечерней прохлады.

— Пока что — многозначительно улыбается, — ответила я. — Но к концу этого отпуска я расставлю все точки над i.

Умут усмехнулся, но в его глазах за очками мелькнула какая-то искра. Он хотел спросить ещё, но рядом остановилось такси — он заказывал его, когда бежал по делам.

— Тебя подвезти, дорогая Лика? — сказал он, открывая дверь.

Я покачала головой:

— Нет, спасибо. Я только приехала на эту чудесную улицу и ещё не насладились её запахом. — Я сделала глубокий вдох. — Знаешь, здесь пахнет мечтами, которые продают за деньги. И круассанами. И немного — чьей-то несбывшейся любовью.

Умут усмехнулся.

— Ты всегда так поэтично говоришь о запахах?

— Только о запахе Стамбула.

Он уже садился в такси, но задержался на секунду. Посмотрел на меня через опущенное стекло.

— Мы увидимся, Лика?

Я улыбнулась в ответ. Ни "да", ни "нет". Просто улыбнулась и подняла руку, прощаясь.

Такси уехало. А я осталась стоять на тротуаре Нишанташи, вдыхая этот сладковатый, чуть горьковатый воздух и чувствуя, как в груди распускается что-то, чему я ещё не готова дать имя.

Голос Стамбула шепнул, когда я уже почти дошла до перекрёстка:

— Ты сказала, что веришь в судьбу. Теперь докажи. Сделай следующий шаг.

Я не знала, какой будет следующий шаг. Но запах Нишанташи остался в моих лёгких — как обещание.

Глава 3. Кадыкей. Запах дома

Я вернулась в отель, всё ещё чувствуя на губах улыбку от встречи в Нишанташи. Внутри бурлило странное волнение — смесь эйфории от случайной встречи с актрисой и той самой дрожи, которую оставил после себя Умут. Его слова, его взгляд за тёмными очками, его смех — всё это отпечаталось где-то в глубине, под рёбрами, и не хотело уходить.

Азамат стоял за стойкой, перебирая какие-то бумаги. Увидев меня, он отложил их и расплылся в приветливой улыбке.

— Ну что, Лика? Как первый день? Нашла то, что искала?

Я подошла к стойке, оперлась локтями о мраморную поверхность. Усталость наваливалась, но внутри горел тот самый огонь, который не давал покоя.

— Нашла, Азамат. И не нашла. Как-то странно. Я встретила человека, который... ну, в общем, это долгая история.

Он усмехнулся понимающе:

— В Стамбуле всегда так. Каждый день — долгая история. Идём, выпьем кофе? Я как раз сварил свежий.

Мы вышли на террасу. Ночной Султанахмет дышал прохладой. Огни Айя-Софии и Голубой мечети мерцали вдалеке, будто два гигантских светлячка. Запах жасмина из соседнего сада смешивался с ароматом горячего кофе — того самого, густого, терпкого, с лёгкой горчинкой. Я пила и слушала, как Азамат рассказывает о своей семье в Узбекистане, о том, как скучает по рисовым полям и винограду, как каждое утро включает узбекскую музыку, чтобы не забыть голоса.

— А ты, Лика? — спросил он, когда чашки опустели. — Ты вроде приехала на день рождения. Тридцать лет. Серьёзный возраст. И всё ещё одна?

Я задумалась. Иронично, что именно администратор отеля задал мне вопрос, на который я так долго искала ответ.

— Не знаю, Азамат. Может быть, я приехала, чтобы перестать быть одна. А может быть, чтобы убедиться, что одна — это нормально.

Он кивнул, не споря. Настоящие друзья не спорят — они слушают.

Мы разошлись, когда луна уже высоко поднялась над Босфором. Я поднялась в номер, включила прохладный душ и стояла под струями, пытаюсь смыть с себя дневные впечатления. Но мысли не уходили. Умут. Мехмет. Две встречи. Два взгляда. Два пути.

Вода стекала по спине, но внутри всё горело.

Тогда я решила: включу "Великолепный век". Ну хотя бы серию. Топкапы и гарем уже побывали в моей голове, и мне хотелось понять, как это всё выглядит на экране, в движении, в красках.

Я завернулась в халат, залезла в кровать и включила планшет. Первая серия: Хюррем на корабле, её улыбка, её страх, её надежда. Я смотрела, как она входит во дворец, как смотрит на Сулеймана, и вдруг осознала: мы все ищем одного. Того, кто скажет: "Ты не просто женщина. Ты — моя судьба".

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.